

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist."

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Как чела отыскал своего гуру

[Отрывки из частного письма Дамодару К. Маваланкару,
секретарю-регистратору Теософского общества]

. . . Во время нашей последней встречи в Бомбее я уже рассказывал Вам о том, что приключилось со мной в Тиннивели. От трудов на казённой службе и под грузом забот здоровье моё пошатнулось, а поэтому я подал прошение о предоставлении мне отпуска, приложив к нему врачебную справку, и прошение моё было удовлетворено.

В один сентябрьский день прошлого года, когда я, занятый чтением, сидел в своей комнате, мне явственно послышался голос моего благословенного гуру, Махарши М***. Он приказывал мне оставить всё и незамедлительно проследовать в Бомбей, откуда я должен был отправиться на поиски г-жи Блаватской, где бы она ни находилась, и пребывать с ней неотлучно, куда бы она ни направлялась. Не теряя ни минуты, я наскоро завершил все свои дела и поспешил на вокзал. Право, для меня нет звука в природе более божественного, чем этот голос Махарши со всеми его знакомыми мне переливами, а уж чтобы послушаться его — о том не могло быть и речи.

В путь я отправился в монашеском облачении. Прибыв в Бомбей, я узнал, что г-жа Блаватская уже уехала, а через Вас я тогда выяснил, что случилось это ещё несколько дней тому назад и что ей крайне нездоровится. Ещё Вы сказали, что уехала она внезапно и что сопровождает её некий чела, а о том, где она может находиться в эту минуту, Вам ничего не известно. А вот теперь я должен рассказать Вам о том, что случилось со мною уже после того, как мы с Вами распрощались.

Не зная, в каком направлении мне следует двигаться в своих поисках, я купил билет на калькуттский поезд. Однако, прибыв в Аллахабад, я услышал, как всё тот же хорошо знакомый голос велел мне отправляться в Берхампур. В Азимгандже я оказался в одном поезде с группой бенгальцев, и, могу Вам сказать, то был истинный *перст судьбы*.

Я не знал тогда, что они тоже были теософы, так как до того дня ни разу не встречался ни с одним из них. Оказалось, что они тоже разыскивают г-жу Блаватскую. Кое-кто из них напал на её след в Динапуре, но там этот след и терялся, а потому они вернулись в Берхампур. По их словам, едва им стало известно о её намерении отправиться в Тибет, как они были готовы броситься в ноги к Махатмам, чтобы вымолить для себя позволение ехать туда вместе с нею. Как они мне рассказали, в конце концов от неё к ним пришла записка, в которой она разрешала им присоединиться к себе, если уж они так сильно того желали, но при этом сообщала о том, что самой ей пока что запрещено отправляться в Тибет.

По её словам, она должна была оставаться в окрестностях Дарджилинга, а встречу её с Махатмой условлено было провести на территории штата Сикким, куда въезд им будет закрыт, и они уже не смогут сопровождать её . . .

Брат Нобин К. Баннерджи, председатель Теософского общества "Адхи Бхутик Бхратру", не пожелал мне открыть местонахождение г-жи Блаватской, но, вероятнее всего, он и сам в то время этого не знал. И, тем не менее, он с сотоварищами решил идти до конца, рассчитывая на встречу с Махатмами.

23-го числа я вместе с ним наконец прибыл из Калькутты в Чандернагор, где и обнаружил г-жу Блаватскую, готовую уже через пять минут отправляться на железнодорожный вокзал. Рослый, темноволосый чела, по одежде явно тибетец (но то был не Чандер Кушо), которого я увидел перед собою после того, как переправился вместе с нею на лодке через реку Хугли, сообщил мне, что я опоздал, что г-жа Блаватская уже встретилась с Махатмами и теперь он везёт её обратно.

На все мольбы взять меня с собою он не обратил ни малейшего внимания, сказав, что у него был один-единственный приказ: переправить г-жу Блаватскую в некое местечко, расположенное в двадцати пяти милях от***, и теперь, полностью этот приказ выполнив, он собирается проводить её в целости и сохранности до вокзала, после чего должен вернуться домой.

Оказалось, однако, что бенгальские братья-теософы также выследили её и полчасом спустя, не упуская её из виду, также прибыли на вокзал. Из Чандернагора они переправились через реку и оказались на том же самом небольшом вокзальчике, расположенном по другую сторону реки. Когда поезд остановился у перрона, она вошла в вагон, а я вместе с нею.

И тут я снова увидел того же *чела*! Но, прежде чем её вещи были погружены в багажный вагон, прежде чем прозвенел сигнальный звонок колокольчика, поезд, против всех существующих правил, тронулся с места, оставив и бенгальцев, и слугу г-жи Блаватской на перроне. Из всей группы теософов и кандидатов на ученичество на поезд успели только один наш собрат, а с ним ещё жена и дочь другого теософа. Да и сам я едва успел заскочить в последний вагон отходившего поезда. Все её вещи, за исключением шкатулки с теософской корреспонденцией, так и остались на руках у её слуги, стоявшего на перроне. Но даже и те, кому удалось отправиться на поезде вместе с нею, так и не смогли добраться до Дарджилинга.

Пять дней спустя на место прибыли бабу Нобин Банерджи вместе с её слугою. Те же, кто успел сесть на поезд, вынуждены были сойти с него уже через пять-шесть станций, благодаря одному непредвиденному случаю (?), а потому и прибыли в Дарджилинг тоже с опозданием в несколько дней. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить:

Махатмы в очередной раз явно забирали г-жу Блаватскую к себе, и у них были свои веские причины не желать того, чтобы мы следовали за ней в роли наблюдателей. Двое Махатм — я это точно знал — уже находились поблизости от британской территории, и человек, которого я не стану здесь называть по имени, видел одного из них и даже признал в нём высокого тибетского *хутухту*.

В первые дни после прибытия на место г-жа Блаватская жила в доме одного теософа-бенгальца, отказываясь кого бы то ни было видеть и готовясь, как думалось мне, вновь отправиться в какое-то местечко на границе с Тибетом.

На все наши докучливые расспросы она просила только об одном: *оставить её в покое и перестать преследовать её*, она не желает нас видеть, у неё нет никакого права беспокоить Махатм по поводу всех тех вопросов, которые касаются одних лишь просителей, и, вообще, пусть мы лучше подумаем о себе. И тут я решился на отчаянный поступок. Я сказал себе: *чего бы мне это ни стоило*, я перейду границу, проходившую всего лишь в дюжине миль от меня, и либо отыщу Махатм, либо — УМРУ.

Меня неотступно преследовала мысль о том, что только чокнутый может решиться на столь безрассудный поступок, который я собираюсь совершить.

У меня не было ни официального разрешения, ни "пропуска" за подписью сиккимского раджи, но я всё же решился проникнуть в самое сердце того полунезависимого государства, в котором меня в случае чего уже не станут, даже если и смогут, защищать англо-индийские власти, ведь я перейду границу без их разрешения. Но я гнал от себя эти мысли, поскольку мною целиком овладела единственная *идея*: отыскать своего гуру и увидеться с ним.

Не проронив ни слова о своих планах, утром 5 октября я отправился на поиски Махатмы. Всё оружие моё состояло из зонтика и посоха странника, да ещё пары рупий в моём кошельке. На мне было жёлтое одеяние монаха, а на голове шапка. Если я уставал в пути, то мой наряд помогал мне за небольшую плату получить в своё распоряжение лошадь и проехать верхом на ней пару миль.

Было уже за полдень, когда я добрался до берегов реки Рунгит, по которой и протекает граница между британскими владениями и территорией Сиккима. Я попытался было переправиться через неё по висячему камышовому мосту, но он так сильно раскачивался из стороны в сторону, что я, не знаящий до того ничего для себя невозможного, здесь отступил.

На другой берег я добрался на лодочном пароме, хотя и это оказалось делом нелёгким и небезопасным. Всю вторую половину дня я прошагал по узкой тропе, углубляясь всё дальше и дальше в самое сердце Сиккима. Не знаю точно, сколько миль я так прошагал прежде, чем наступили сумерки, но уверен, что не меньше двадцати-двадцати пяти.

Куда ни глянь, со всех сторон меня окружали одни только непроходимые джунгли, и лишь изредка попадались одинокие хижины местных жителей-горцев.

Уже в сумерках я принялся искать подходящее место для ночлега. В тот день мне уже довелось повстречаться со снежным барсом и бенгальской дикой кошкой, и сегодня я могу только удивляться тому, что не испытывал тогда ни малейшего чувства страха или желания бросить всё и повернуть назад. Мне всё время помогали какие-то неведомые силы, и в сердце моём не было ни страха, ни беспокойства. В нём горело лишь одно-единственное неукротимое желание — отыскать своего гуру.

Когда совсем стемнело, я издали приметил одинокую хижину, стоявшую буквально в двух шагах от дороги. К ней-то я и направился, надеясь в ней переночевать. Грубо сколоченная дверь оказалась заперта. Внутри не было ни души. Обследовав домишко со всех сторон, я обнаружил в западной его стене небольшое оконце. Оно было совсем узким, но вполне достаточным, чтобы я мог пролезть сквозь него.

Оконце это снабжено было ставнем и деревянным засовом, но, по странному стечению обстоятельств, горец-хозяин позабыл закрепить этот ставень на засов изнутри, когда запирает дверь в хижину. Разумеется, сегодня, когда многое прояснилось и на всё приключившееся со мной я гляжу глазами веры, я ясно вижу присутствие во всём защитной длани моего гуру.

Забравшись внутрь хижины, я обнаружил, что комнатка, в которой я оказался, через маленький коридор соединяется с ещё одной комнатой — обе они и составляли всё пространство этого лесного "дворца". Улёгшись прямо на полу, я, как всегда, каждой мыслью своею обратился к моему гуру и вскоре крепко заснул.

Но перед тем как лечь спать, я накрепко запер дверь в соседнюю комнату и закрыл ставень единственного окна.

Проснулся я, вероятно, между десятью и одиннадцатью часами ночи — может быть, чуть позднее. А проснувшись, услышал звуки шагов, доносившиеся до меня из соседней комнаты.

Я мог ясно различить голоса двух или трёх человек, говоривших между собой на неизвестном мне диалекте.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, меня невольно бросает в дрожь. Ведь в любую минуту они могли войти в мою комнату и убить меня в надежде разжиться деньгами. А ещё они могли принять меня за вора, но и в этом случае меня ожидала бы та же судьба. Все эти мысли промелькнули у меня в голове за одно краткое мгновение.

Но сердце моё тогда не затрепетало от страха, у меня не было и мысли о том, что всё может завершиться трагически. Не знаю, что за сила поддерживала во мне эту крепость духа, но в сердце моём не было ни тени сомнения или страха я был совершенно спокоен. Так пролежал я, вглядываясь во тьму, добрых часа два.

Потом я даже встал и бесшумно прошагал несколько раз по комнате, пытаясь убедиться, что в случае чего мог бы спастись в лесу, бежав туда тем же путём, каким попал в эту хижину. Но, повторяю, не испытывал в душе даже тени страха. Затем я снова крепко уснул, и ни одно сновидение не потревожило меня в ту ночь.

Проснулся я на рассвете. Я быстро обулся и осторожно выбрался из домишка через то же окно. Я ясно слышал, как в соседней комнате громко храпели во сне хозяева хижины. Не теряя времени понапрасну, я отыскал тропу, ведущую в город Сикким, и продолжил свой путь с тем же негибаемым упорством. Всей душой, всем нутром своим я почувствовал благодарность к благословенному моему гуру за то, что он даровал мне спасение в минувшую ночь.

Что могло остановить хозяев хижины, так ни разу и не зашедших во вторую комнату? Отчего на душе у меня было так безмятежно и покойно, точно я находился у себя дома? Отчего я так сладко проспал всю ночь в этой кишевшей диким зверьём глухой лесной чаще, да ещё и бок о бок с бандой головорезов, каковыми славится большинство сиккимцев?

Когда совсем рассвело, я отправился дальше, то взбираясь на горы, то спускаясь в долины. Так я и продвигался вперёд, то пешком, то в седле.

Приятным путешествие — это, право, не назовёшь, но всё это время я был глубоко погружён в свои мысли, а потому и не замечал вокруг себя ничего, что испытывало на крепость моё тело. В последнее время я научился доводить силу сосредоточения ума до высочайшей степени, и зачастую всё окружающее просто переставало для меня существовать в те часы, когда мысли мои целиком сходились на том, что составляло единственный смысл моей жизни.

Мои друзья могут Вам это подтвердить. Но такого сосредоточения, как было в тот день, я не припомню ни разу.

Наконец я вышел на дорогу в Сикким, откуда в своём облачении странствующего монаха я мог легко, по заверению встречных людей, переправиться в Тибет. Думаю, было уже часов восемь или девять утра, когда я вдруг заметил фигуру одинокого всадника, мчавшегося во весь опор по направлению ко мне. Это был рослый человек, знавший, по всему видно, толк в верховой езде.

Должно быть, это офицер сиккимского раджи, подумалось мне. Вот я и попался! Сейчас он потребует у меня пропуск, начнёт расспрашивать о цели моего пребывания на независимой территории Сиккима, а ещё, чего доброго, арестует и отправит меня назад, если не придумает чего и похуже.

Он подъехал ко мне и, натянув поводья, сдержал своего скакуна. Я взглянул на него и . . . в ту же минуту узнал его. В благоговейном молчании я смотрел на него, а он стоял всего в двух шагах от меня — тот самый Махатма, мой благословенный гуру. Это именно его я видел в тот день, когда, явившись в своём астральном теле, он стоял на балконе в штаб-квартире Теософского общества.

Да, это был он, тот самый "гималайский Брат", который незабвенной ночью в декабре прошлого года, проявив ко мне участие, оставил ответ на моё собственное письмо к нему, которое я всего часом ранее передал г-же Блаватской в запечатанном конверте. Это был он — тот, кого я не забывал ни на минуту за всё минувшее с того дня время.

В тот же миг я рухнул наземь и распростёрся ниц у его ног. Он велел мне подняться. А я вглядывался в его лицо и всё не мог никак наглядеться.

Я целиком забылся в этом созерцании столь близкого мне образа, ведь сколько раз до того я любовался его портретом, который показывал мне полковник Олькотт. Я не знал, что и сказать: радость и чувство глубочайшего благоговения словно сковали мне язык. От величественного его облика веяло такой силой, такой мудростью, что невольный трепет охватил всё моё существо.

Наконец-то я воочию видел перед собой "Махатму из Химавата", и он оказался никаким не мифом, не "плодом фантазии медиума", как полагают скептики. И это был не сон, ведь встреча наша происходила между девятью и десятью утра. В небе ярко светило солнце, молча наблюдая из своей выси за тем, что происходило на земле. Да, вот он стоит передо мной, такой же живой человек, из той же плоти и крови, и он говорит со мною ласковыми и добрыми словами. Чего большего я мог бы ещё пожелать в этой жизни? От переполнявшего меня избытка счастья я совсем онемел.

Лишь по прошествии некоторого времени ко мне вернулся дар речи, и я оказался в состоянии произнести несколько вразумительных слов, побуждаемый к тому его ласковой речью и дружелюбным обхождением. Он был не так светлолиц, как Махатма Кутхуми, но я не видел ещё человека прекраснее лицом, выше станом и величественнее его обликом.

Как и на портрете, лицо его обрамляет коротко остриженная чёрная бородка, а голову его покрывают длинные по грудь чёрные волосы, вот только одет он был по-другому. На нём была не белая, просторная мантия, а отороченный мехом жёлтый халат, а голову покрывал не тюрбан, а тибетская шапка из жёлтого войлока — такие, я видел, носят в этой стране бутанцы.

Но вот первое чувство восторга, смешанное с удивлением, схлынуло, и, когда я уже мог более трезво оценить своё положение, между нами состоялся долгий разговор. Он велел мне отказаться от мысли идти дальше, иначе меня в этом случае ждёт верная беда. Если же я так сильно хочу поступить в ученичество, то, сказал он мне, я должен набраться терпения и ждать. Кандидатов в ученики оказалось немало, но достойными были признаны лишь считанные единицы.

Никому из претендентов не отказали с порога, но все они прошли особые испытания и большинство из них с треском провалилось, например:*** и***. Другие же будут зачислены в ученики и приведены к присяге лишь на следующий год.

Как я заметил, Махатма почти не говорил по-английски — по крайней мере, мне так показалось — и он *обращался ко мне на моём родном тамильском языке*. Он сказал, что если Чохан разрешит г-же Блаватской в следующем году посетить Пари-Джонг, то и я могу отправиться туда вместе с нею. Что же касается тех бенгальцев-теософов, что следовали по пятам за "Упасикой" (г-жой Блаватской), то они вскоре и сами поймут, как права она была, когда пробовала отговорить их от следования за нею. Я спросил у благословенного Махатмы, могу ли я и другим рассказать о том, что увидел и услышал сам. Он не только позволил мне это, но ещё и посоветовал написать Вам письмо и рассказать обо всех моих приключениях.

Я хочу, чтобы Вы правильно поняли суть происшедшего и обратили особое внимание на то, что всё это было не "видение", и перед собой я видел не просто астральное тело Махатмы, какое мы наблюдали в Бомбее, а напротив меня стоял *живой человек, пребывающий в собственном физическом теле*.

Когда я склонился перед ним в прощальном поклоне ("намаскар"), ему было угодно объяснить мне, что к границе с британской территорией он приехал специально для того, чтобы встретиться с Упасикой. И, прежде чем мы окончательно простились, к нему подъехало ещё двое всадников

— вероятно, то были его помощники или чела, поскольку одеты они были как *ламы-гелунги*, и длинные волосы у них так же спускались вниз по всей спине.

Когда Махатма тронулся с места, они на своих лошадях неспешно потрусили вслед за ним. Ещё более часа я там простоял, будучи не в силах оторвать глаз от того места, где только что стоял он, и лишь потом я медленно побрёл в обратный путь. Только сейчас я впервые обратил внимание на то, что высокие мои сапоги натёрли мне ноги в нескольких местах, что я ничего не ел со вчерашнего дня и что у меня не осталось никаких сил шагать дальше. Ныло всё моё тело.

Невдалеке от себя я заметил группу торговцев, которые шли по дороге вместе с местными малорослыми лошадьми, груженными товаром. Я попросил их за плату одолжить мне одну из своих лошадок, и, когда верхом на ней я добрался до реки Рунгит и переправился на другую сторону, было уже за полдень. Купание в её прохладных водах придало мне свежих сил.

На единственном в этих местах базаре я купил немного фруктов и наелся ими всласть. Уже на другой лошади я немедленно продолжил свой путь и лишь поздним вечером добрался до Дарджилинга. Я тогда уже не мог ни есть, ни сидеть, ни стоять. Болела каждая косточка в моём теле.

Отсутствие моё, очевидно, встревожило г-жу Блаватскую. Она отругала меня за эту опрометчивую, безумную затею отправиться в Тибет таким манером. Войдя в дом, я обнаружил, что там находились также заместитель начальника управления по сбору налогов Дираха, Баху Парбати Чарн Рой, и его помощник, бабу Канти Бхушан Сен — оба они состояли членами нашего Общества.

В ответ на их мольбы и по требованию г-жи Блаватской я рассказал им обо всём, что приключилось со мной, опустив, разумеется, лишь подробности нашего личного разговора с Махатмой. Сказать, что все они были поражены услышанным, значит не сказать ничего. В этом году, однако, она не собирается ехать в Тибет, и её, я уверен, это не очень-то печалит, ведь она всё-таки повидалась с нашими Учителями и добила своё. Но мы-то, мы, несчастные люди!

Ведь мы теряем тем самым нашу единственную надежду отправиться на Тибет и поклониться перед "Гималайскими Братьями", которые, увы, я это знаю, если и появятся на британской территории вновь, то случится это ещё совсем-совсем нескоро.

И вот теперь, после того как я повидался с пребывающим во плоти Махатмой и услышал живой его голос, никто уже не посмеет убеждать меня в том, что Братьев якобы не существует. И что бы отныне ни случилось со мной, мне не страшно уже ничего, ни смерть моя, ни месть врагов, ибо то, что теперь ведомо мне, у меня никому не отнять!

С. Рамасвами, член Т.О.